



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.004)

Оригинальная статья / Original paper



А.А. Рубцов

*кафедра истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного электротехнического
университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: alex-rubtsov@inbox.ru*

Траектория уголовного политического дела в Российской империи: от донесения к статистическим таблицам (1870-е гг.)

Аннотация

Статья посвящена исследованию трансформации делопроизводственных практик по политическим делам в Российской империи в 1870-е гг. Пореформенные десятилетия стали важным этапом в эволюции подходов к обеспечению государственной и общественной безопасности в Российской империи. В центре внимания — формирование полной траектории уголовного дела: от первичных жандармских донесений и негласного сбора оперативной информации через процедуры официального дознания к систематизации полученных сведений в ведомственных таблицах, поименных списках и статистических обобщениях. Рассматривается влияние судебной реформы 1864 г. и Правил 19 мая 1871 г., которые закрепили за жандармскими офицерами ведущую роль в производстве дознаний по государственным преступлениям. Отдельно анализируется терминологическая неопределенность понятий «государственное» и «политическое» преступление, которая порождала

серьезные практические затруднения как при назначении административных наказаний, так и при категоризации подследственных. На основе широкого круга архивных источников из фондов Министерства юстиции, Министерства внутренних дел, III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Московского губернского жандармского управления раскрываются конкретные механизмы сбора, фиксации и обобщения данных о «политически неблагонадежных» лицах. Особое внимание уделяется внутриведомственным противоречиям между III отделением, Корпусом жандармов и прокуратурой, которые отражали острую борьбу за контроль над информацией, собиравшейся политическим сыском. В итоге делается вывод, что в 1870-е гг. следствие по политическим делам трансформировалось из процедуры доказывания конкретного преступления в процесс выяснения социального «портрета» радикалов и самой революционной среды, а эволюция делопроизводства стала важнейшим инструментом конструирования и закрепления категорий «политической неблагонадежности».

Ключевые слова:

политический сыск; III отделение; Корпус жандармов; Министерство юстиции; политическое преступление; уголовная статистика

Для цитирования:

Рубцов А.А. Траектория уголовного политического дела в Российской империи: от донесения к статистическим таблицам (1870-е гг.). Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 96–129. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.004)

Alexey A. Rubtsov

Department of History of Culture, State and Law Ulianov (Lenin)

Saint Petersburg Electrotechnical University (LETI),

St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: alex-rubtsov@inbox.ru

The Trajectory of a Political Criminal Case in the Russian Empire: From Intelligence Reports to Statistical Tables (1870s)

Abstract

This article examines the transformation of record-keeping and administrative practices relating to political cases in the Russian Empire during the 1870s. The post-reform decades marked a crucial stage in the evolution of approaches to safeguarding state and public security in the Russian Empire. The study focuses on the complete trajectory of a political criminal case – from initial gendarmerie intelligence reports and the covert collection of operational information, through the procedures of formal preliminary investigation, to the systematization of the resulting data in departmental tables, nominal registers, and statistical summaries. Particular attention is devoted to the impact of the Judicial Reform of 1864 and the Regulations of 19 May 1871, which assigned gendarmerie officers the leading role in conducting preliminary investigations into crimes against the state. The article also analyzes the terminological ambiguity surrounding the concepts of «state crime» and «political crime,» which created significant practical difficulties both in the imposition of administrative penalties and in the classification of persons under investigation. Drawing on a wide range of archival sources from the collections of the Ministry of Justice, the Ministry of the Interior, the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, and the Moscow Governorate Gendarmerie Administration, the study reconstructs the specific mechanisms by which information on «politically unreliable» individuals was collected, recorded, and summarized. Special attention is paid to the internal tensions between the Third Section, the Gendarme Corps, and the procuracy (Prosecutor's Office), which reflected an intense struggle for control over the information gathered through political surveillance. The article concludes that,

during the 1870s, investigations of political offenses evolved from procedures aimed at proving a specific crime into processes designed to establish the social «profile» of political radicals and the revolutionary milieu itself. This evolution in bureaucratic record-keeping became a key instrument in the construction and institutionalization of the category of «political unreliability.»

Keywords:

Political investigation; Third Section; Gendarme Corps; Ministry of Justice; Political crime; Criminal statistics

For citation:

Alexey A. Rubtsov. The Trajectory of a Political Criminal Case in the Russian Empire: From Intelligence Reports to Statistical Tables (1870s). The Historical Reporter. 2026. Vol. 59. P. 96–129. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.004)



истории Российской империи 1870-е гг. стали временем интенсивного поиска новых форм политического контроля, вызванного как реформами предшествующего десятилетия, так и беспрецедентным ростом революционного движения. Судебная реформа 1864 г., закрепившая новые принципы судопроизводства, и закон 19 мая 1871 г., передавший производство дознаний по государственным преступлениям в руки жандармских офицеров, создали принципиально иную правовую и административную реальность. В этих условиях перед бюрократией встала задача не только расследования конкретных преступлений, но и выработки единого языка описания, систематизации и учета тех, кто попадал в категорию «политически неблагонадежных». В статье рассматривается, как складывалась в 1870-е гг. траектория уголовного дела по политическим преступлениям от учета первичных данных в ходе жандармского дознания к попыткам создания ведомственных таблиц, обобщавших сведения о подследственных. В этот период происходит не только институциональная перестройка политического сыска, но и формируются те делопроизводственные формы (циркуляры, ведомости, списки, таблицы), которые станут основой для последующей практики.

Изучение делопроизводства позволяет увидеть механизмы политического контроля «изнутри» — не как абстрактную репрессивную политику, а как повседневную работу чиновников, сталкивавшихся с не-

обходимостью классифицировать новые, не укладывавшиеся в прежние правовые рамки явления. В центре внимания оказывается «политический словарь эпохи» — тот понятийный аппарат, с помощью которого чиновники III отделения, Корпуса жандармов, Министерства юстиции и Министерства внутренних дел описывали и тем самым конструировали фигуру политического преступника. Терминологическая неопределенность, разрыв между юридически закрепленным понятием «государственное преступление» и широко употреблявшимся, но не имевшим правового статуса понятием «политическое преступление» создавали на практике серьезные затруднения — от путаницы в определении меры надзора для ссыльных до конфликтов между ведомствами о том, кому принадлежит право хранить и использовать накопленные сведения.

Историография политической полиции Российской империи имеет большое количество серьезных исследований¹. В ряде исследований подробно рассматриваются практики расследования государственных преступлений, включая внутренние аспекты производства дознаний офицерами Корпуса жандармов². В последние годы появились работы, освещающие различные направления деятельности как III отделения, так и Корпуса жандармов, в которых уделяется внимание и специфике жандармского делопроизводства³. Вместе с тем следует отметить, что большинство авторов обращаются к изучению 1870-х гг. сравнительно мало, что не соответствует значению этого десятилетия для истории как жандармского ведомства, так и политического сыска в целом.

¹ Рууд Ч., Степанов С.А. Фонтанка, 16: политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993; Жандармы России. Политический розыск в России XV–XX вв.: новейшие исследования / Ред. В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002; Севастьянов Ф.Л. Между тайной экспедицией и III отделением: от тайного сыска — к политическому розыску. СПб.: МИЭП, 2008; Перегудова З.И. Политический сыск России, 1880–1917. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2013; Щербакова Е.И. Органы безопасности Российской империи XIX — начала XX в. // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности / Под ред. А.Ю. Попова. М.: Алгоритм, 2017. С. 51–126; Страхов А.В., Перегудов А.В. Воронежские жандармы в эпоху модерна. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019.

² Суворов А.И. Борьба с терроризмом в России в XIX — начале XX века: Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России. М.: ЮНИТИ-Дана, 2002; Краковский К.П. Политическое дознание во второй половине XIX — начале XX в. / Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2012. № 5. С. 315–344.

³ Абакумов О.Ю. «Безопасность престола и спокойствие государства»: политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М.: РОССПЭН, 2019; Бибииков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М.: Квадрига, 2023.

Отдельно отмечу исследование американского историка Дж. Дейли⁴, который указывает, что российская политическая полиция была неспособна предотвратить крупные социальные катаклизмы и могла эффективно бороться только с хорошо законспирированными радикальными обществами. Не оспаривая в целом этой оценки, данная работа ставит целью показать, что ведомства, отвечавшие за государственную и общественную безопасность, вполне осознавали вызовы, связанные с массовым революционным движением, и предпринимали значительные усилия для того, чтобы государство располагало возможностями ему противостоять.

Чтобы полноценно понять процесс расследования политических преступлений в 1870-е гг., необходимо обратиться и к вопросу об идеологии «законности» в пореформенный период. В историографии Российской империи одна из важных дискуссий разворачивается вокруг вопроса о том, сформировалась ли в России сильная правовая традиция или законность здесь имела слабые позиции и каковы отличительные черты имперского правового режима в России⁵. В рамках данного направления я придерживаюсь точки зрения, утверждающей разнообразие и гибкость управленческих и правовых подходов как необходимых аспектов имперской политики.

Конечно, отдельно стоит упомянуть проблемы формирования языка власти о политических угрозах. Данные вопросы рассмотрены в монографиях, посвященных исследованию крупных уголовных процессов⁶ и работе жандармов⁷. Так, в своей книге Л.В. Ульянова обращается к проблеме создания политического языка Российской империи. Его важной составной частью были категории, с помощью которых вовлеченные в политическую деятельность структуры и отдельные люди описывали других участников и их позиции. Предметом исследования

⁴ Daly J.W. Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia, 1866–1905. DeKalb: Northern Illinois university press, 1998.

⁵ Обзор историографии по данной теме: Wirtschafter E.K. Russian Legal Culture and the Rule of Law // Kritika. 2006. № 1. Р. 61–70; Borisova T., Burbank J. Russia's Legal Trajectories // Kritika. 2018. № 3. Р. 469–508; Демичев А.А. Историография судебной реформы 1864 года // Памятники российского права. В 35 т. / Под ред. Р.А. Хачатурова. Т. 13. Судебная реформа 1864 года в Российской империи. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 9–51.

⁶ Verhoeven C. The Odd Man Karakozov: Imperial Russia, Modernity and the Birth of Terrorism. Ithaca: Cornell University Press, 2009.

⁷ Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью, 1880–1905. СПб.: Алетейя, 2020.

в монографии является понятие «либерал» в представлении политической полиции. Наиболее важным является используемый в работе подход. Он заключается в том, что политический маркер «либеральный», применявшийся для описания позиций отдельных деятелей или групп, анализируется не в качестве фиксированной позиции, а как определенная шкала, на которой располагался набор смыслов, связанных с понятием «либерал». Таким образом, с точки зрения автора, чиновники политической полиции могли, по-разному формируя и используя доступный набор смыслов и идеологием, определять позицию различных людей как более или менее либеральную. Общий вывод заключается в том, что в основном среди служащих политической полиции было консолидированное мнение относительно того, что либерализм представляет угрозу государственной безопасности, однако чиновники разных структур могли по-разному оценивать степень этой угрозы и, следовательно, это влияло на те модели поведения, которые вырабатывались в политическом сыске применительно к «либералам». Аналогичная практика — определение позиции на шкале «неблагонадежности» и выбор мер воздействия в зависимости от оценки — использовалась жандармами и прокурорами и в отношении «политически неблагонадежных» лиц в 1870-е гг.

Преступление «государственное» или «политическое»?

22 декабря 1879 г. и.д. генерал-губернатора Восточной Сибири К.Н. Шелашников отправил отношение министру внутренних дел с просьбой уточнить *«какого рода ссыльные должны именоваться государственными и какие политическими»*⁸. Вопрос возник по причине того, что в Восточную Сибирь начали высылать административным порядком тех, кто был привлечен к делу о «преступной пропаганде» в империи. Большинство подсудимых по этому делу не представляли перед судом по причине недостатка улик, изобличавших их вину. Однако освобождать их от наказания власти не собирались, поэтому многим подсудимым в итоге были назначены административные наказания, одним из которых была ссылка в разные местности империи. Замешательство Шелашникова вызвало отсутствие четко определенной в законах границы между теми, кто был выслан административным порядком («политические»),

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 41. Д. 524. Л. 2.



Константин Николаевич Шелашников.
Из открытых источников

и теми, кто получил это наказание по суду («государственные»). По этой причине возникала практическая проблема определения мер надзора, которые должны были применяться к разным категориям ссыльных.

В Главном управлении Восточной Сибири не нашли ответа на этот вопрос, так как категория государственных преступников в Уложении о наказаниях определена, а *«категории же политических ссыльных в законе не определено»*⁹. За разъяснением Главное управление Восточной Сибири обратилось к Министерству внутренних дел. Однако, как следует из пометы на полях *«по докладу Г. Министру, разрешено оставить без ответа»*¹⁰. Повисший таким образом вопрос отразил важную проблему категоризации политических преступников и ссыльных и, как следствие, направление применяемых к ним мер. Это терминологическое противоречие принципиально важно для понимания того, как выстраивалась траектория уголовных дел — от возбуждения дознания до назначения наказания — в сфере политической и государственной преступности.

В пореформенной России «политическое преступление» систематически оказывалось синонимом «государственного». Такую равнозначную замену можно встретить и в делопроизводственной документации,

⁹ Там же. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Л. 1.

и в публицистике, и в научной литературе того времени¹¹. При этом термин «политическое преступление» не был оформлен юридически: он отсутствовал в законодательстве, не имел правового статуса и на практике мог охватывать разнородные противозаконные деяния. В отличие от него «государственные преступления» в 1870-е гг. представляли собой строго определенную правовую категорию — к ним относились действия, подпадавшие под соответствующие статьи Уложения о наказаниях 1845 г. и его последующих редакций.

Чиновники часто использовали термин «политическое преступление», поэтому требовалось его более четкое определение. Однако изначальная размытость понятия оказывалась удобной, ведь она позволяла трактовать как «преступные» самые разные формы политической активности. Такое положение, в свою очередь, служило оправданием для применения полицейско-административных мер в условиях роста революционного движения. Таким образом, в 1870-е гг. значение этого понятия одновременно и расширялось (под него подводили новые действия), и уточнялось — власть пыталась найти баланс между удобным инструментом и формальной определенностью. Этот процесс можно связать с общеевропейской тенденцией в европейском уголовном праве и государственном строительстве. Историк Линдси Фармер в своем исследовании о развитии уголовного права в Европе отмечает, что глагол «криминализировать» (to criminalize) использовался в двух значениях: *«Преобразить человека в преступника, особенно путем объявления его действий уголовно наказуемыми»* или *«Преобразить (какое-либо действие) в уголовное преступление, сделав его незаконным»*. Первое зафиксированное употребление в таком смысле датируется 1832 г. и принадлежит Иеремии Бенхаму¹². Фармер отмечает, что понимание криминализации в этом смысле связано с возникновением определенного типа современного законодательного мышления. Мир воспринимался в соответствии с определенными принципами порядка, которые можно было познавать и манипулировать ими, если бы были соответствующие знания и понимание. Таким образом, уголовное законодательство можно рассматривать как своего рода инструмент, который может иметь положительные или отрицательные социальные последствия и который можно использовать соответствующим образом.

¹¹ Подробнее: Краковский К.П. Политическая юстиция в России во второй половине XIX — начале XX в.: историко-правовое исследование. М.: Юрист, 2012.

¹² Farmer L. Making the Modern Criminal Law: Criminalization and Civil Order. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 4.



Граф Константин Иванович Пален.
Из открытых источников

Осмысление нараставшего в 1860–1870-х гг. разрыва между понятиями «государственное» и «политическое» преступление требует анализа их правового содержания. По мнению историка права К.П. Краковского, в XIX в. в Российской империи «термин “политическое преступление” стал актуализацией (модернизацией) термина “государственное преступление”. К “традиционным” русским бунтовщикам и изменникам (государственным преступникам) добавились “убежденные” борцы за общее благо, преследуемые реакцией (политические преступники)»¹³.

Подобное различие нашло отражение в записке на имя императора, которая была подготовлена 27 мая 1871 г. чиновниками Министерства юстиции по поручению графа К.И. Палена. В ней излагались соображения о международном соглашении по уточнению понятия «политическое преступление». Авторы документа исходили из существования универсальных, не зависящих от национальных правовых систем черт политического преступления, и ставили целью выделить общие основания, объединяющие международные правовые представления в этой сфере¹⁴.

Разница в государственном устройстве европейских стран, с точки зрения составителей, приводила к принятию ряда исключений, когда

¹³ Краковский К.П. Политическая юстиция в России... С. 67.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 147. Л. 1.

одно и то же деяние могло быть расценено по-разному двумя государствами с различным политическим строем. На практике это могло вести к затруднениям в случае необходимости потребовать экстрадиции российского подданного, заподозренного в политическом преступлении, из другой страны.

Поводом к составлению записки послужили события 1871 г. во Франции. Документ отражал попытку осмыслить затруднения, с которыми столкнулось французское правительство, стремясь привлечь к ответственности скрывшихся за границей коммунаров. Это обстоятельство стало отправной точкой для критики существовавшей системы международной выдачи политических преступников. Однако можно предположить и наличие причины, незаявленной напрямую. Время составления записки совпало с подготовкой процесса «нечаевцев», поэтому высказанные в ней соображения, вероятно, должны были лечь в основу политики по преследованию российских подданных, обвиняемых в политических преступлениях и укрывающихся за рубежом, — в их числе и Сергея Нечаева.

Стоит при этом учитывать, что круг явлений, которые могли относиться к политическим угрозам, этим формальным определением не ограничивался. Ссылаясь на научные теории, составители отмечали, что *«политическими признаются те преступления, которые имеют своим предметом (объектом) установленный основными законами образ правления и цельность государства, а в Государствах Монархических сверх того и Главу Государства как источника всего законного порядка»*¹⁵. Данная дефиниция полностью коррелировала с составом преступлений, зафиксированным в Уложении о наказаниях. Однако формальное определение не исчерпывало всего спектра явлений, которые на практике могли быть отнесены к политическим угрозам.

В связи с этим в записке указывалось, что *«вследствие развития в Европейском обществе некоторых разрушительных и злобредных направлений, в настоящее время совершаются такие преступления, которые хотя и вызываются известными теоретическими учениями, и хотя имеют поэтому некоторое внешнее сходство с преступлениями политическими, но однако едва ли сами по себе могут признаваться преступлениями этой категории»*¹⁶. Таким образом, проводилось раз-

¹⁵ Там же. Л. 10 об. — 11 об.

¹⁶ Там же. Л. 13–13 об.



Сергей Геннадиевич Нечаев.
Из открытых источников

деление между тем, какие действия можно назвать государственными преступлениями, а какие действия, вызванные, прежде всего, «новыми теоретическими учениями», к ним не относятся.

Авторы записки указывали, что появившиеся под влиянием «новых учений» партии *«имеют целью не установление такого или другого образа правления, а стремятся лишь <...> к уничтожению собственности, семейного союза и религиозно-нравственных начал сословного общества. Для этих людей перемена образа правления не есть цель, а только средство к достижению цели»*¹⁷. Для авторов записки отсутствие стремления к смене образа правления указывало на отсутствие и политических мотивов у таких партий, а следовательно, их действия не должны были считаться «государственными преступлениями».

Таким образом, в этой записке можно увидеть то принципиальное разделение, которое становится базовым в понимании политического преступления на протяжении 1870-х гг.: оно могло иметь или политический (в значении антигосударственного), или социальный (антиобщественный) характер. В записке были высказаны сомнения, что описанные новые проявления общественно-политической борьбы на Западе могут носить названия «политических преступлений», если последние понимались как синоним «государственных». Хотя такая трактовка и не

¹⁷ Там же. Л. 13 об. — 14.

являлась единственно возможной, она опиралась на солидную юридическую традицию.

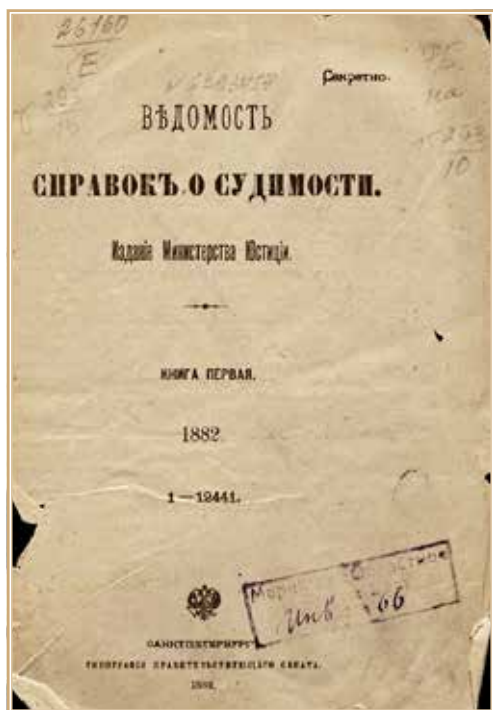
Рассмотренная записка о проекте международного соглашения, призванного определить понятие «политическое преступление», — лишь один из многих примеров того, как в 1870-е гг. предпринимались попытки вписать в правовое поле расширявшийся спектр революционных действий. Чиновники стремились привести менявшуюся политическую реальность и нарастающую протестную динамику в соответствие с действовавшим законодательством. Именно в этом контексте возникают множественные трактовки «государственных» и «политических» преступлений, а также споры о том, какие именно деяния под них подпадают.

Такое положение дел, сохранявшееся на протяжении 1870-х гг., вводило порой в заблуждение, как в приведенном выше отношении и.д. генерал-губернатора Восточной Сибири К.Н. Шелашникова. Рост числа участников революционного движения, как и рост числа политических дознаний, приводил к увеличению количества подследственных. Далеко не все из них привлекались к судебному разбирательству и чаще всего за недостатком улик дело разрешалось в отношении таких лиц административным порядком. Рост числа подследственных и вопросы, связанные с организацией их высылки и надзора, приводили к необходимости категоризации подследственных по политическим делам.

От подозрения к наказанию

По новым судебным уставам 1864 г. лица прокурорского надзора обязывались готовить отчетность по форме, утвержденной министерством юстиции. В документах следовало отражать сведения о движении дел и данные о подсудимых за истекший год¹⁸. Уставы, правда, не указывали конкретных форм организации такой статистики. Поэтому до 1870-х гг. данные в отчетах Министерства юстиции могли быть настолько разнородны, что их крайне сложно было сравнивать между собой. Ситуация изменилась в 1870 г. с созданием новой системы уголовной статистики, которая стала более точно отражать как работу судов, так и реальную

¹⁸ Об основных принципах организации уголовной статистики после 1864 г. см.: Остроумов С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. М.: Би., 1961. С. 131–136.



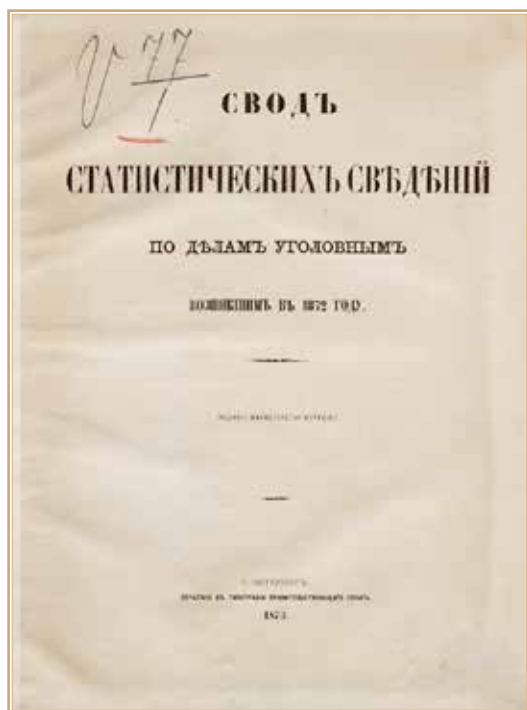
Ведомость справок о судимости.
Из открытых источников

картину преступности¹⁹. Однако ключевой задачей при регистрации преступников оставалась не столько статистика, сколько правоприменение: учет позволял зафиксировать факт рецидива, чтобы суд мог назначить более строгое наказание²⁰.

Новое устройство уголовной статистики основывалось на четкой организации первичного учета. Он осуществлялся по индивидуальной форме, когда уголовное дело и обвиняемый регистрировались на отдельной карточке. 15 января 1870 г. высочайше были утверждены правила об издании Министерством юстиции справок о судимости. Суды должны были составлять справки о каждом осужденном, приговоренном к наказанию не ниже тюремного заключения. Министерство юстиции рассылало судам специально заготовленные бланки, которые заполнялись на каждого подсудимого. Они содержали следующие семь пунктов: 1) суд, постановивший приговор; 2) звание, имя, отчество, фамилия или

¹⁹ Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 25–26.

²⁰ Жаров С.Н. Регистрация преступников и оперативные учеты // Памятники российского права. В 35 т. / Под ред. Р.А. Хачатурова. Т. 22. Спецслужбы Российской империи: учеб.-науч. пособие. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 204–219.



Свод статистических сведений по делам уголовным возникшим в 1872 году.
Из открытых источников

прозвище подсудимого; 3) возраст; 4) место рождения, постоянного жительства, прописки, а также занятие или ремесло; 5) преступное деяние, за которое осужден подсудимый; 6) наказание, к которому он был приговорен; 7) время обращения приговора к исполнению²¹. С 1870 г. также стали публиковаться «Ведомости справок о судимости». Это были официальные издания Министерства юстиции, в которых фиксировались данные о приговорах судов, включающие имя, статью, наказание и сроки.

С 1 января 1872 г. отчетность по уголовным делам была преобразована, теперь суды обязаны были доставлять в Министерство юстиции справки о судимости независимо от того, обвинен был подсудимый или оправдан. До двадцати увеличилось количество пунктов для заполнения следователем и прокурором. К перечню необходимых сведений добавлялись пункты о законности или незаконности рождения, вероисповедании, звании (состоянии и сословии), грамотности и полученном

²¹ Высочайше утвержденные правила об издании Министерством Юстиции «Ведомости справок о судимости», 15 января 1870 г. // Сборник правил и распоряжений по изданию ведомости справок о судимости. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1880. С. 1–5.



Иван Яковлевич Фойницкий.
Из открытых источников

образовании, семейном отношении. В дополнение к сведениям о самом подсудимом добавлялись разделы, касавшиеся обстоятельств совершенного преступления. Собственно, все устанавливаемые признаки было возможно разделить на две группы: демографические и юридические. В таком виде справки о судимости стали основными первичными документами уголовной статистики для 1870-х гг.²² Доставляемые таким образом сведения подвергались тщательной переработке в Министерстве юстиции. После чего на основании собранного материала издавались «Сводь статистических сведений по делам уголовным». Первый такой свод вышел в 1872 г., и затем до 1878 г. было издано еще четыре тома²³.

Известный дореволюционный юрист И.Я. Фойницкий в своем отзыве на «Свод статистических сведений по делам уголовным» за 1872 г. отмечал, что первичная регистрация уголовно-юридических данных удовлетворяла всем требованиям современной на тот момент статистической науки. При этом он очень резко критиковал неудачную систему расположения материала в «Сводах», что сильно усложняло использо-

²² Дополнение к высочайше утвержденным 15 января 1870 года правилам о доставлении судебными установлениями в Министерство юстиции справок о судимости, 9 декабря 1871 г. // Сборник правил и распоряжений по изданию ведомости справок о судимости. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1880. С. 11–13.

²³ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб.: Сенатская типография, 1902. С. 142.

вание и исследование приведенных в них данных²⁴. Однако несмотря на недостатки и критику, в начале 1870-х гг. в имперской судебной системе сформировался относительно стройный порядок формирования уголовной статистики — от этапа первичного учета сведений до ежегодного составления «Ведомостей справок о судимости» и «Свода статистических сведений по делам уголовным».

Общая тенденция к совершенствованию уголовной статистики, разумеется, затронула и такую специфическую область, как учет политических преступлений и лиц, привлеченных к дознанию по ним. Развитие отчетности в этой сфере шло в русле общегосударственных преобразований. Тем не менее уникальный характер дел и организационные тонкости работы следственных органов привели к формированию особого подхода: он проявлялся и на этапе первичной регистрации данных, и в способах их последующей группировки как в ведомственных таблицах Министерства юстиции, так и при аналитических обобщениях, проводившихся в III отделении.

Историк права С.С. Остроумов отмечал, касательно статистических источников политической преступности в царской России, что *«огромное большинство политических преступлений подавлялось внесудебным порядком или же дела о них рассматривались военными судами. И в первом, и во втором случаях в официальных статистических материалах ("Сводах") численность таких преступлений вообще не фигурировала»*²⁵. При этом Остроумов особенно отмечал крайне малое количество статистических данных о политической преступности в России в середине — второй половине XIX в. Действительно отсутствуют какие-либо публиковавшиеся совокупные сведения о «политически неблагонадежных» лицах, наказанных в административном порядке. Однако в делопроизводстве по политическим преступлениям отложилась масса данных, часто представленных в виде таблиц о лицах, находившихся под следствием или наказанных административным порядком. Такие обзоры составлялись ситуативно, несистематически в 1870-е гг., но тем не менее они были организованы на ряде общих принципов. Ориентиром должны были, вероятно, служить те отчеты, которые по новым судебным уставам 1864 г.

²⁴ Фойницкий И.Я. Системы размещения цифровых данных в таблицах уголовной статистики: по поводу «Свода статистических сведений по делам уголовным, возникшим в 1872 году». СПб.: Изд-во Министерства юстиции, 1873. Отт. Из Судебно-го журнала. 1873. № 6. С. 4.

²⁵ Остроумов С.С. Очерки... С. 263.

обязаны были составлять новые судебные установления и лица прокурорского надзора.

Правилами 19 мая 1871 г. был изменен порядок производства по государственным преступлениям, что существенно повлияло на систему первичного учета политических преступников. Отныне ведение предварительного следствия по делам такой категории возлагалось непосредственно на жандармских офицеров. Как следствие, именно они теперь отвечали за фиксацию исходных данных о лицах, привлекаемых к суду по политическим обвинениям.

Ключевые идеи, позволяющие понять общую логику реформы политического сыска в России в начале 1870-х гг., были представлены в *«Заключении юрисконсультанта по представлению министра юстиции и шефа жандармов о порядке ведения следствия по делам о государственных преступлениях»*²⁶. Документ содержал развернутое обоснование необходимости привлечения чинов Отдельного корпуса жандармов к производству дознаний по государственным преступлениям, которое ранее, согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., возлагалось исключительно на общую полицию под надзором прокуратуры. Юрисконсультант аргументировал это тем, что общая полиция была перегружена и не всегда была успешна в раскрытии преступлений, тогда как жандармы, будучи освобождены от множества второстепенных обязанностей и имея разветвленную сеть наблюдения, обладали и специальными сведениями, и материальными ресурсами для эффективного расследования именно политических дел. При этом подчеркивалась необходимость сохранения за прокурорским надзором функции наблюдения за дознанием, чтобы обеспечить юридическую состоятельность собранных материалов и их соответствие новым судебным уставам. В качестве негативного примера приводилась деятельность высочайше учрежденной Следственной комиссии, чьи материалы, производившиеся по старым правилам, оказались непригодны для рассмотрения в новых судебных установлениях. Особое внимание в документе уделялось специфике государственных преступлений, которые часто представляли собой не единичные факты, а разветвленные заговоры, требовавшие координации действий на обширных территориях и учета связи с ранее расследовавшимися делами. Для таких случаев предлагалось введение особой процедуры: производство дознания поручалось специально

²⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 35. Д. 39.

назначенному лицу при шефе жандармов (с правами, равными прокурору), действующему совместно с прокурором судебной палаты под высшим наблюдением обоих ведомств. Документ также детально прорабатывал механизм разрешения возможных конфликтов между жандармской и прокурорской властями, особенно в части применения мер пресечения, когда предлагалось передавать спорные вопросы на согласование министра юстиции и шефа жандармов. Данное заключение не только обосновывало будущие законодательные изменения 1871 г., но и раскрывало логику формирования нового порядка взаимодействия политической полиции и юстиции, закреплявшего за жандармами ведущую роль в расследовании государственных преступлений при сохранении процессуального контроля со стороны прокуратуры.

На практике разъяснять содержание дознания по государственным преступлениям по новым правилам предстояло юрисконсульту при шефе жандармов. Должность была учреждена в 1871 г. Его позиция была двойственной: с одной стороны, он обязан был следить за соблюдением закона жандармами, с другой — отстаивать интересы корпуса. В своей деятельности юрисконсульт обычно опирался на материалы реальных дознаний, на примере которых и разбирал возникавшие ошибки и конфликтные ситуации.

Одним из таких прецедентов стало следствие, производившееся в Москве в 1871–1872 гг. Началось оно с донесения некоего врача Лемана на своего компаньона по типографии Леонтьева. Назначенный на должность юрисконсульта М.Н. Баженов после ознакомления с материалами дела нашел в действиях штаб-капитана корпуса Я.Т. Дудкина, проводившего дознание, ряд существенных ошибок. Прежде всего Баженов объединял под понятием «дознание» два различных направления в деятельности жандармов — наблюдательное и следственное. По его мнению, жандармские чины должны были различать *«два момента в дознаниях по государственным преступлениям: первый — это негласное собирание сведений <...> и принятие различного рода мер для первоначального удостоверения в справедливости дошедшего до них слуха о государственном злоумышлении, обо всем этом они не обязаны сообщать Прокурору»*. Второй момент наступал, когда появлялась необходимость начать какие-либо действия по дознанию, как то обыски и т.п., *«о чем непременно следует предварить Прокурора, если не мешает этому случай, приведенный выше, т.е. если нет опасения, чрез сообщение Прокурору, потерять следы преступления и время для*

захвата этих следов»²⁷. Таким образом, сбор сведений уже становился частью дознания, и второй этап, требовавший обращения к прокурору, должен был служить для законного оформления уже совершенных действий и начинал носить скорее функциональный, а не самостоятельный характер.

Далее Баженов подверг критике действия штаб-капитана Дудкина, указав, что жандарм применил методы, свойственные общеуголовному сыску, тогда как по делам о государственных преступлениях *«каждым сведением надлежит пользоваться и проверять его многосторонними расспросами, а не повторением того же самого»*²⁸. Тем самым вновь подчеркивалась ключевая роль сбора информации, составлявшая основную обязанность жандармов и делавшая их незаменимыми участниками расследования именно политических преступлений. В заключении юрисконсульт констатировал нарушение установленного порядка, выразившееся в отсутствии предварительного согласования существа дела с прокурором. Подобное обсуждение могло бы привести к признанию собранных данных достаточными для возбуждения производства, и тогда дело не оказалось бы лишенным «внутреннего содержания». На прокуроре в данном случае лежала задача юридической оценки фактов, т.е. определение соответствия полученных сведений правовым нормам. Однако отношения с прокуратурой вновь складывались формально, по логике юрисконсульта дознание все же должно было стать исключительной компетенцией жандармского корпуса.

Баженов считал, что проводивший дознание жандарм не до конца осознавал разделения общеуголовных и государственных преступлений, поэтому совершил ряд ошибок при начале дознания. На самом деле в Уставе уголовного судопроизводства утверждался общий для всех уголовных преступлений порядок расследования. Идея применения иных процедур к дознаниям по государственным преступлениям была сформирована под влиянием практики правоприменения, сложившейся после принятия Устава. Разработка новых методов работы происходила оперативно в ходе обсуждений внутри ведомства подобных казусных дел.

Комментарий Баженова содержит отсылку к высказанному им самим мнению на заключение Комиссии, рассматривавшей в 1872 г. вопрос изменения статей о «противузаконных сообществах» в Уложении о наказаниях. В Особом мнении на проект Комиссии он отмечал, что

²⁷ ГА РФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 5. Л. 7–7 об.

²⁸ Там же. Л. 7 об. — 8 об.

при расследовании государственных преступлений гораздо важнее обнаружить всех причастных к противоправительственной деятельности и наиболее полно воссоздать связи «государственных преступников»²⁹. Особенно продуктивным средством для этого он считал допросы свидетелей и ставил их значение в расследовании государственных преступлений выше, чем установление других доказательств по делу.

В полемику с юрисконсультom об особенностях дознаний по государственным преступлениям вступил начальник Московского губернского жандармского управления И.А. Слезкин. Он, ссылаясь на обстоятельства дела, начатого с доноса Лемана на врача Леонтьева, доказывал, что необходимость дознания была обусловлена именно тем, что Леонтьев был известен давно как личность «либерального» направления. В подтверждение этого факта приводились сведения о сношениях между ним и студентами Петровской академии, на которых после дела «нечаевцев» власти смотрели с подозрением. Таким образом, Слезкин доказывал достаточность наличных сведений о проявлениях «неблагонадежности» в действиях подозреваемого для полноценного начала дознания³⁰.

Начальник Московского ГЖУ старался защитить способы ведения следствия, практиковавшиеся чинами Корпуса жандармов при расследовании политических преступлений, и привести новые практики в процедуру дознания. Слезкин дал обширный комментарий, освещавший в общем проблему проведения дознаний по государственным преступлениям. Он указывал, что способ производства дознаний по государственным преступлениям в законе точно не определен, «а лишь указано в разъяснении к 21 ст. закона 19 мая, что сообщение первоначальных сведений при дознании должно сопровождаться крайней осмотрительностью, обдуманностью и вообще известным тактом при условии совершенно негласного наблюдения»³¹.

Ссылаясь на свой опыт, он отстаивал мнение о необходимости большей самостоятельности для чинов Корпуса жандармов на первом этапе дознания, так как это способствовало большей оперативности при производстве следственных действий и более полному сбору доказательств на первоначальном этапе следствия. В переписке со своими подчиненными Слезкин давал рекомендации о том, как необходимо

²⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7073. Л. 70 об. — 71.

³⁰ ГА РФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–10.

³¹ Там же. Л. 12.

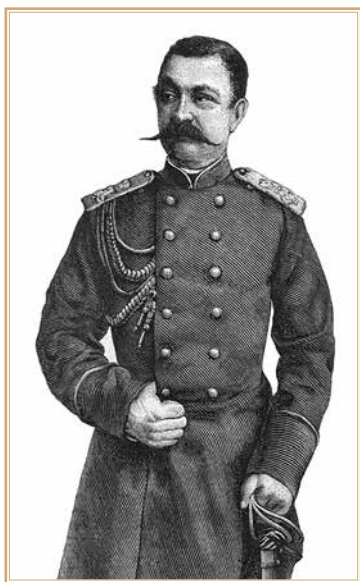


Петровские казармы жандармского дивизиона. Москва, ул. Петровка, д. 38. 1913 г.
Из открытых источников

проводить наблюдение и следствие, не отделяя одно от другого. В одном из циркуляров он приложил разъяснения относительно того, какие именно данные требовалось собирать о лице, подозреваемом в государственном преступлении. «Сведения эти [собранные негласным путем о личности обвиняемого] необходимо собрать насколько возможно подробные: 1) об образе жизни, 2) поведении, 3) нравственности, 4) степени развития обвиняемого, 5) чем занимался, 6) знакомства его, 7) направление и благонадежность в политическом отношении и 8) в особенности дознавать причину или повод к совершению преступления или к произнесению преступного выражения»³². Данный шаблон надолго определил структуру многих следственных материалов по политическим делам. Применяя накопленный годами опыт наблюдения и негласного сбора информации, жандармы существенно трансформировали саму процедуру расследования. Предложенный ими порядок учета заметно отличался от правил составления справок о судимости, установленных положениями 15 января и дополнениями 9 декабря 1870 г.: акцент смещался на круг общения и образ мыслей подозреваемого в политическом преступлении.

Информация, собираемая офицерами Корпуса жандармов, могла никак напрямую не быть связанной с обстоятельствами совершения конкретного преступления. Однако в рамках следствия по политиче-

³² Там же. Л. 49 об.



Николай Владимирович Мезенцов.
Из открытых источников

ским делам все в большей степени стремились к систематическому учету данных, необходимых для выяснения среды, в которой распространялись революционные идеи.

Первичные материалы, собранные чинами Корпуса жандармов, служили основой для документов, составлявшихся в дальнейшем лицами прокурорского надзора. В Министерство юстиции направлялись донесения и рапорты прокуроров *«о всех совершившихся преступных деяниях, выходящих из ряда обыкновенных, и таким образом Министр Юстиции получил возможность руководить деятельностью прокурорского надзора по возникшим уголовным делам с самого момента их возникновения до окончательного их разрешения»*³³. На информации, содержащейся в этих документах, базировались, в частности, таблицы подследственных по политическим делам. Так наступал следующий этап траектории уголовного дела: начавшись с фиксации первичных сведений жандармскими офицерами, движение продолжалось уже на этапе систематизации данных в форме итоговых таблиц.

В фонде Министерства юстиции сохранились материалы следственно-административного производства по делу о пропаганде в Москве и Вологодской губернии 1876–1878 гг., которые демонстрируют,

³³ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб.: Сенатская типография, 1902. С. 140.



Константин Николаевич Жуков.
Из открытых источников

как завершалось типичное расследование по политическим преступлениям³⁴. Особое внимание в этом деле привлекает содержание ведомственных таблиц и их роль в документообороте III отделения и Министерства юстиции: «Ведомость 20 лицам, обвиненным по делу о преступной пропаганде» и «Общий список привлеченных к настоящему дознанию лиц».

Прежде всего анализ этих таблиц позволяет составить социальный портрет обвиняемых: среди них преобладали выходцы из духовенства (дети священников), дворяне, разночинцы и студенты, причем большинство составляли молодые люди в возрасте от 17 до 24 лет³⁵. К женщинам и несовершеннолетним, как правило, применялись более мягкие меры пресечения. В ведомости фиксировали не только персональные данные и характер обвинений (деятельное участие в пропаганде, хранение запрещенных книг, принадлежность к «преступному сообществу»), но и сроки предварительного заключения, которые для некоторых достигали двух лет и восьми месяцев, а также испрашиваемые меры наказания — от высылки в Восточную Сибирь до гласного или негласного надзора полиции.

³⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7413.

³⁵ Данные указанных таблиц подтверждают устоявшиеся в историографии мнения о социальном составе революционного народнического движения. См.: Лурье А.Я. Перепись народников: От Нечаева до Дегаева. СПб.: Нестор-История, 2022.

Особую ценность представляет включенная в дело ведомственная переписка между III отделением и Министерством юстиции, которая раскрывает механизм принятия решений и разногласия по мере наказания. Так, поначалу министр юстиции полагал ограничиться надзором полиции для Суровцева и Поликарпова, однако начальник III отделения Мезенцов настоял на их административной высылке³⁶. В дальнейшем товарищ обер-прокурора К.Н. Жуков предлагал предать суду лишь двоих из двадцати подсудимых, мотивируя это длительностью предварительного заключения и молодостью обвиняемых, что в итоге было поддержано министром юстиции Д.Н. Набоковым, предложившим решить дело административно для всех фигурантов с дифференциацией наказаний³⁷.

Документ также содержит любопытные уточнения по личности подсудимого Хазова. Сложность в определении его личности заключалась в том, что по делу проходили два разных человека с одной фамилией. В ходе переписки между III отделением и Министерством юстиции выяснилось, что фигурант настоящего дела — Григорий Иванов Хазов, мещанин, обвинявшийся по делу о пропаганде в Москве и Вологодской губернии. Однако первоначально существовала путаница с другим лицом — Николаем Николаевым Хазовым, учителем, который привлекался к ответственности по другому политическому делу («Общество друзей») и в отношении которого уже предлагалась высылка в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири. В отношении III отделения к министру юстиции специально оговаривалось, что *«по настоящему делу мещанин Григорий Иванов Хазов есть только однофамилец учителя Николая Николаева Хазова»*³⁸. Это уточнение потребовалось, чтобы не применить к Григорию Хазову меру наказания, предназначенную для другого лица, и ограничиться в его отношении негласным надзором полиции, как и в отношении остальных обвиняемых.

Приведенный эпизод с уточнением личности подсудимого Хазова демонстрирует важность взаимодействия между III отделением и Министерством юстиции в 1870-е гг. Совместная работа двух ведомств позволяла не только оперативно обмениваться информацией, но и избегать серьезных ошибок в назначении административных наказа-

³⁶ РГИА. Оп. 74. Д. 7413. Л. 73–74 об., 113–115.

³⁷ Там же. Л. 173–177.

³⁸ Там же. Л. 178–178 об.



Дмитрий Николаевич Набоков.
Из открытых источников

ний. Благодаря тому, что чиновники отделения располагали сведениями о разных «политически неблагонадежных» лицах³⁹, для Министерства юстиции оказывалось крайне важным сотрудничество с центральным на тот момент органом политического сыска.

Однако в 1870-е гг. это взаимодействие было отмечено и неизбежными конфликтами, вызванными борьбой за влияние на ход масштабных уголовных политических дел. В 1875 г. одним из прокуроров, участвовавших в расследовании дела «о пропаганде в империи», была составлена «Записка об устройстве архива политических дел»⁴⁰, представлявшая собой уникальное свидетельство внутриведомственной полемики. Автор записки последовательно опровергал три ключевых тезиса, выдвинутых, по-видимому, в исходной (отсутствующей в деле) записке. Во-первых, он подчеркивал важное институциональное различие: жандармские чины были подчинены не III отделению, а штабу Корпуса жандармов, а Правила 19 мая 1871 г. вовсе не упоминали отделение и не отводили ему никакой роли в производстве дознаний. Во-вторых, эффективность жандармов в раскрытии государственных преступлений объяснялась автором не доступом к архивам III отделения, а самой

³⁹ Сидорова М.В. Архивы центральных органов политического сыска // Сидорова М.В. О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки. СПб.: Алетейя, 2023. С. 140–152.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1108. Л. 133–136.

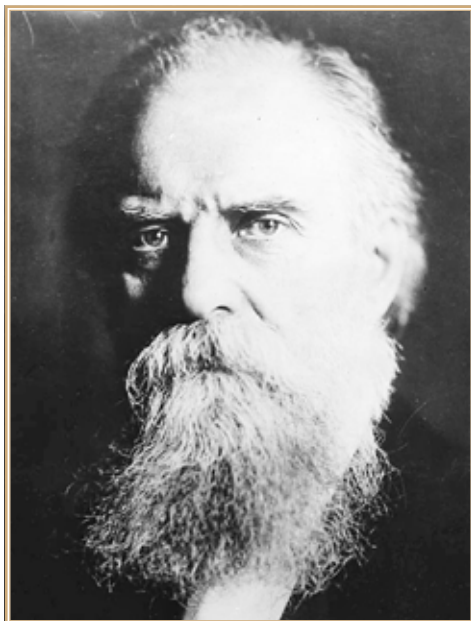
природой их службы как специализированной полиции, располагающей временем и средствами для такой деятельности.

Наиболее остро звучало последнее обвинение: III отделение не только не способствовало успеху дознаний, но и сознательно скрывало имевшиеся у него сведения, отказывая в сотрудничестве. В качестве конкретного примера приводился отказ предоставить для просмотра дело о Н.В. Чайковском, в котором содержались важные данные о пропаганде, что, по мнению автора, прямо препятствовало расследованию. В связи с этим автор предлагал переопределить роль III отделения, ограничив ее изначально предназначенной функцией — *«сосредоточением и разработкой всех данных прошлого и настоящего относительно внутренней политики страны для указания высшему правительству»*⁴¹. Иными словами, III отделению отводилась роль центрального политического архива, где должны были храниться все оконченные дела, но которое не должно было вмешиваться в текущую оперативную работу жандармов и их взаимодействие с прокуратурой. Документ не только обосновывал необходимость создания специализированного архива политических дел, но и фиксировал глубокий конфликт компетенций и ведомственных интересов, возникший вскоре после законодательного закрепления новой системы расследования государственных преступлений.

Это радикальное на тот момент предложение о преобразовании III отделения не нашло практического воплощения, а ситуация в организации политического сыска изменилась только в 1880 г. с ликвидацией отделения. Поэтому в середине — второй половине 1870-х гг. этот по сути центральный орган политической полиции продолжал влиять на расследования уголовных дел по государственным преступлениям и формировать в правительственной среде мнения о революционном движении. Поэтому, следуя в русле уже отмеченных тенденций, чиновники III отделения тоже прибегали к использованию статистического подхода.

Помимо важности установления людей, вовлеченных в радикальную политическую деятельность (пропаганда, распространение нелегальной литературы), власти осознали необходимость изучить среду, в которой развивалась революционная активность. В 1875 г. III отделение вынесло на обсуждение Комитета министров вопрос о более тщательном изучении причин развития радикальных политических течений в Российской

⁴¹ Там же. Л. 135.



Николай Васильевич Чайковский.
Из открытых источников

империи. Результатом обсуждения стала записка со статистическими данными о пропагандистах 1870-х гг., составленная чиновником отделения М.М. Меркуловым.

Структура данной записки была выстроена вокруг выделения четырех групп людей, которые были разделены на основании степени участия и выясненной политической неблагонадежности, установленных по результатам проведенных дознаний⁴². Автор записки подробно анализировал социальный и профессиональный состав каждой из групп, распределение в них людей по полу и возрасту. Тем самым делались выводы относительно того, в какой среде наиболее активно развивалась «противоправительственная деятельность» и что могло послужить к этому причиной. Статистический подход и динамика его развития также повлияли на описание революционного движения, которое менялось в процессе развития дела «о пропаганде».

Обобщение материалов политических расследований приобретало в 1870-е гг. особую значимость по ряду причин. Прежде всего, именно на основе этих данных назначались административные наказания, при-

⁴² Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III отделения. Сообщил Н.И. Сидоров // Каторга и ссылка. 1928. №1(38). С. 29–30.

менявшиеся все шире по мере роста числа подследственных⁴³. Кроме того, накопление сведений позволяло отслеживать рецидивы, влиявшие на тяжесть приговоров — как в административном, так и в судебном порядке. Наконец, стремление понять природу революционного движения побуждало власти обращаться к анализу социальной среды, результатом чего стали многочисленные ведомственные записки, предлагавшие различные стратегии борьбы с «революционной пропагандой».

1870-е гг. стали переломным этапом в эволюции делопроизводства по политическим делам в Российской империи. Под влиянием судебной реформы 1864 г. и закона 19 мая 1871 г. сложился новый порядок расследования государственных преступлений, в котором центральную роль играли жандармские офицеры, а сбор сведений о «неблагонадежных» лицах приобрел характер систематической процедуры. В этом отразилась общая тенденция к рационализации учета, характерная для уголовной статистики того времени.

Однако специфика политических дел — размытость понятий «государственное» и «политическое» преступление, административный порядок разрешения большинства из них — привела к формированию особых практик фиксации данных, ориентированных не столько на доказывание конкретного состава преступления, сколько на выяснение социального «портрета» революционной среды. Внутриведомственная полемика, развернувшаяся между III отделением, Корпусом жандармов и прокуратурой, свидетельствует о том, что унификация учета наталкивалась на институциональные противоречия и разногласия в понимании целей дознания. Тем не менее именно в этот период были заложены основы для последующей централизации политического сыска. Эволюция делопроизводства в 1870-е гг. не только отражала изменения в механизмах политического контроля, но и сама становилась инструментом конструирования категорий «политической неблагонадежности», формируя тот язык описания, которым власть пользовалась для осмысления и классификации революционного движения.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

⁴³ Рубцов А.А. «Политическая неблагонадежность» и административная ссылка в Российской империи в 1870–1880-е годы: наказание, контроль, интеграция // Под ред. А.Б. Богомолова. Пятые Карамзинские чтения, Санкт-Петербург, 15–16 мая 2024 года. СПб.: Аврора, 2024. С. 120–126.



Список литературы / References

1. Абакумов О.Ю. «Безопасность престола и спокойствие государства»: политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2019. 558 с.
Abakumov O.Yu. «The security of the throne and the tranquility of the state»: The political police of autocratic Russia (1826–1866). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2019. 558 p. (in Russ.).
2. Бибииков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М.: Квадрига, 2023. 354 с.
Bibikov G.N. Gendarme supervision in the system of state administration of the Russian Empire (1826–1856). Moscow: Kvadriga, 2023. 354 p. (in Russ.).
3. Высочайше утверждённые правила об издании Министерством Юстиции «Ведомости справок о судимости», 15 января 1870 г., в: *Сборник правил и распоряжений по изданию ведомости справок о судимости*. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1880. С. 1–5.
Highly approved rules on the publication by the Ministry of Justice of the «Bulletin of criminal record certificates», January 15, 1870, in: *Collection of rules and orders for the publication of the bulletin of criminal record certificates*. St. Petersburg: Printing house of Governing Senate, 1880. P. 1–5 (in Russ.).
4. Демичев А.А. Историография судебной реформы 1864 года, в: *Памятники российского права в 35 томах. Т. 13. Судебная реформа 1864 года в Российской империи* / Ред.: Р.Л. Хачатуров. М.: Юрлитинформ, 2015. 448 с.
Demichev A.A. Historiography of the judicial reform of 1864, in: *Monuments of Russian law in 35 volumes. Vol. 13: The judicial reform of 1864 in the Russian Empire* / Ed. by R.L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform, 2015. 448 p. (in Russ.).
5. Дополнение к высочайше утверждённым 15 января 1870 года правилам о доставлении судебными установлениями в Министерство юстиции справок о судимости, 9 декабря 1871 г., в: *Сборник правил и распоряжений по изданию ведомости справок о судимости*. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1880. С. 11–13.

- Addendum to the rules on the delivery of criminal record certificates by judicial authorities to the Ministry of Justice, approved on January 15, 1870, December 9, 1871, in: *Collection of rules and orders for the publication of the bulletin of criminal record certificates*. St. Petersburg: Printing house of Governing Senate, 1880. P. 11–13 (in Russ.).
6. *Жандармы России. Политический розыск в России XV–XX вв.: новейшие исследования* / Ред.: В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. 638 с.
Gendarmes of Russia. Political investigation in Russia in the 15th–20th centuries: Recent studies / Ed. by V.S. Izmozik. St. Petersburg: Neva, 2002. 638 p. (in Russ.).
 7. Жаров С.Н. Регистрация преступников и оперативные учёты, в: *Памятники российского права в 35 томах. Т. 22. Спецслужбы Российской империи: учебно-научное пособие* / Ред.: Р.Л. Хачатуров. М.: Юрлитинформ, 2015. 440 с.
Zharov S.N. Registration of criminals and operational records, in: *Monuments of Russian law in 35 volumes. Vol. 22: Special services of the Russian Empire: A teaching and research aid* / Ed. by R.L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform, 2015. 440 p. (in Russ.).
 8. Краковский К.П. *Политическая юстиция в России во второй половине XIX – начале XX в.: историко-правовое исследование*. М.: Юрист, 2012. 733 с.
Krakovsky K.P. *Political justice in Russia in the second half of the 19th – early 20th century: A historical and legal study*. Moscow: Yurist, 2012. 733 p. (in Russ.).
 9. Краковский К.П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX вв., в: *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс*. 2012;(5):315–344.
Krakovsky K.P. Political inquiry in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Historical and Legal Problems: A New Perspective*. 2012;(5):315–344 (in Russ.).
 10. Лурье Л.Я. *Перепись народников: От Нечаева до Дегая*. СПб.: Нестор-История, 2022. 301 с.
Lurie L.Ya. *The census of the Narodniks: From Nechaev to Degaev*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 301 p. (in Russ.).
 11. *Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк*. СПб.: Сенатская типография, 1902. 360 с.
The Ministry of Justice for one hundred years. 1802–1902. Historical sketch. St. Petersburg: Senate printing house, 1902. 360 p. (in Russ.).

12. Остроумов С.С. *Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России*. М.: Б.и., 1961. 303 с.
 Ostroumov S.S. *Essays on the history of criminal statistics in prerevolutionary Russia*. Moscow: No publisher, 1961. 303 p. (in Russ.).
13. Остроумов С.С. *Преступность и ее причины в дореволюционной России*. М.: Издво МГУ, 1980. 204 с.
 Ostroumov S.S. *Crime and its causes in prerevolutionary Russia*. Moscow: Moscow State University Press, 1980. 204 p. (in Russ.).
14. Перегудова З.И. *Политический сыск России, 1880–1917*. 2е изд., перераб. и доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 518 с.
 Peregudova Z.I. *Political Investigation in Russia, 1880–1917*. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2013. 518 p. (in Russ.).
15. Рубцов А.А. «Политическая неблагонадежность» и административная ссылка в Российской империи в 1870–1880е годы: наказание, контроль, интеграция, в: *Пятые Карамзинские чтения* (Санкт-Петербург, 15–16 мая 2024 года) / Ред.: А.Б. Богомолов. СПб.: Аврора, 2024. 488 с.
 Rubtsov A.A. «Political unreliability» and administrative exile in the Russian Empire in the 1870s–1880s: Punishment, control, integration, in: *Fifth Karamzin Readings* (St. Petersburg, May 15–16, 2024) / Ed. by A.B. Bogomolov. St. Petersburg: Aurora, 2024. 488 p. (in Russ.).
16. Рууд Ч., Степанов С.А. *Фонтанка, 16: политический сыск при царях*. М.: Мысль, 1993. 432 с.
 Ruud C., Stepanov S.A. *Fontanka, 16: Political investigation under the Tsars*. Moscow: Mysl', 1993. 432 p. (in Russ.).
17. Севастьянов Ф.Л. *Между тайной экспедицией и III отделением: от тайного сыска – к политическому розыску*. СПб.: Издво Международного института экономики и права, 2008. 302 с.
 Sevastyanov F.L. *Between the secret expedition and the Third Department: From secret inquiry to political investigation*. St. Petersburg: Printing house of the International Institute of Economics and Law, 2008. 302 p. (in Russ.).
18. Сидорова М.В. *Архивы центральных органов политического сыска*, в: Сидорова М.В. *О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки*. СПб.: Алетейя, 2023. 947 с.
 Sidorova M.V. Archives of the central bodies of political investigation, in: Sidorova M.V. *On gendarmes, emperors, and fine art: Archival notes*. St. Petersburg: Aleteya, 2023. 947 p. (in Russ.).

19. Статистические сведения о пропагандистах 70х годов в обработке III отделения. Сообщил Н.И. Сидоров. *Каторга и ссылка*. 1928;38(1):29–30.
Statistical information about the propagandists of the 1870s in the processing of the III Department. Reported by N.I. Sidorov. *Penal Servitude and Exile*. 1928;38(1):29–30 (in Russ.).
20. Страхов Л.В., Перегудов А.В. *Воронежские жандармы в эпоху модерна*. Воронеж: ИД Воронежского государственного университета, 2019. 278 с.
Strakhov L.V., Peregudov A.V. *Voronezh gendarmes in the modern era*. Voronezh: Voronezh State University publishing house, 2019. 278 p. (in Russ.).
21. Суворов А.И. *Борьба с терроризмом в России в XIX – начале XX века: Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России*. М.: ЮНИТИДана, 2002. 313 с.
Suvorov A.I. *The fight against terrorism in Russia in the 19th – early 20th centuries: A historical and legal study of the antiterrorist activities of law enforcement agencies in prerevolutionary Russia*. Moscow: UNITYDana, 2002. 313 p. (in Russ.).
22. Ульянова Л.В. *Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью, 1880–1905*. СПб.: Алетейя, 2020. 353 с.
Ulyanova L.V. *The political police and the liberal movement in the Russian Empire: The power of play, the play of power, 1880–1905*. St. Petersburg: Aleteya, 2020. 353 p. (in Russ.).
23. Фойницкий И.Я. *Системы размещения цифровых данных в таблицах уголовной статистики: по поводу «Свода статистических сведений по делам уголовным, возникшим в 1872 году»* Изд. Мва юст. 1873 (Отт. из Судебного журнала, 1873. № 6). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1873. 36 с.
Foynitsky I.Ya. *Systems for placing digital data in tables of criminal statistics: concerning the «Set of statistical information on criminal cases that arose in 1872», Edition of the Ministry of Justice, 1873* (Imprint from the Judicial Journal, 1873. No. 6). St. Petersburg: Printing house of Governing Senate, 1873. 36 p. (in Russ.).
24. Щербакова Е.И. *Органы безопасности Российской империи XIX – начала XX вв., в: Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности* / Ред.: А.Ю. Попов. М.: Алгоритм, 2017. 574 с.

- Shcherbakova E.I. Security agencies of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries, in: *The Secret Guard of Russia: Essays on the history of Russian state security agencies* / Ed. by A.Yu. Popov. Moscow: Algoritm, 2017. 574 p. (in Russ.).
25. Borisova T., Burbank J. Russia's legal trajectories. *Kritika*. 2018;(3):469–508.
26. Daly J.W. *Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia, 1866–1905*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1998. 260 p.
27. Farmer L. *Making the modern criminal law: Criminalization and civil order*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 352 p.
28. Verhoeven C. *The odd man Karakozov: Imperial Russia, modernity and the birth of terrorism*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 248 p.
29. Wirtschafter E.K. Russian legal culture and the rule of law. *Kritika*. 2006;(1):61–70.



 Рубцов Алексей Андреевич 
Alexey A. Rubtsov

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории культуры, государства
и права Санкт-Петербургского
государственного электротехнического
университета «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина),
SPIN-код: 3271-8058,
AuthorID: 948205,
ORCID 0000-0002-2211-7432

C.Sc. (History), Associate Professor of the
Department of History of Culture, State
and Law Ulyanov (Lenin) Saint Petersburg
Electrotechnical University (LETI),
SPIN-code: 3271-8058,
AuthorID: 948205,
ORCID 0000-0002-2211-7432

Поступила в редакцию /
Received
05.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
06.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
06.05.2026